

Частные военные и охранные компании: ближневосточные уроки

Полина Викторовна
Максимова (р. 2000) –
политолог, научный
ассистент Центра
теоретической и при-
кладной политологии
Института обществен-
ных наук РАНХиГС.

«Соединенные Штаты более не смогут осуществлять длительные и комплексные чрезвычайные операции без мощной поддержки подрядчиков», – таков был вывод доклада комиссии Конгресса США по контрактам военного времени в Ираке и Афганистане, подготовленного в 2011 году. Причем США, оставаясь мировым лидером по уровню военной мощи, оказались далеко не одиноки в подобных суждениях¹. Приведенная цитата – показательная иллюстрация к реалиям четвертого поколения военных действий², переход к которым состоялся по завершении «холодной войны»³. Аутсорсинг ранее находившихся в ведении государства функций, асимметричность и нелинейность боевых действий, отсутствие четких линий фронта и использование совместных сил, децентрализация и цифровизация военной экономики, маневренность и высокая мобильность участников конфликта, расширение гражданского компонента (*civilianization*) – таковы черты нового этапа в истории социальной организации насилия⁴.

Правовые аспекты войны – *jus ad bellum, jus in bello* – оставались предметом споров независимо от поколения военных действий, но в современных условиях ситуация стала еще более неоднозначной из-за размывания границ межгосударственного, внутригосударственного и негосударственного насилия. Типичным для нынешнего времени стало явление, которое Майкл Гленнон назвал «туманом закона»⁵: в ходе вооруженных

- 1 См.: COMMISSION ON WARTIME CONTRACTING IN IRAQ AND AFGHANISTAN. *Transforming Wartime Contracting: Controlling Costs, Reducing Risks*. Washington, D.C. August 2011 (<https://www.hsd.l.org/?view&did=685405>).
- 2 Теория четвертого поколения военных действий (4GW) была выдвинута советником Комитета Сената США по вооруженным силам Уильямом Линдом и офицером корпуса морской пехоты США Грегори Тилем. Теория описывает децентрализованный, гетерогенный и выходящий за рамки конвенциональных представлений о войне порядок военных действий. Для 4GW характерна своеобразная феодализация, сочетающаяся с глобализацией. См.: LIND W., THIELE G. *4th Generation Warfare Handbook*. Zug: Castalia House, 2016.
- 3 SLOAN E.C. *Modern Military Strategy: An Introduction*. London: Routledge, 2012. P. 70.
- 4 LIND W.S. ET AL. *The Changing Face of War: Into the Fourth Generation* // KARP A., KARP R., TERRIFF T. (Eds.). *Global Insurgency and the Future of Armed Conflict: Debating Fourth-Generation Warfare*. London: Routledge, 2007. P. 13–20; KALDOR M. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 76.
- 5 См.: GLENNON M.J. *The Fog of Law: Pragmatism, Security, and International Law*. Stanford: Stanford University Press, 2009; ROCHESTER J.M. *The New Warfare: Rethinking Rules for an Unruly World*. London: Routledge, 2016. P. 4.

конфликтов все чаще встают ранее проясненные, казалось бы, вопросы защиты прав гражданских лиц и комбатантов, легальности упреждающей самообороны, гуманитарной интервенции и обращения к услугам частных военных и охранных компаний (далее – ЧВОК). Несмотря на невнятность, царящую в вопросах аутсорсинга, с начала 1990-х присутствие ЧВОК было замечено в конфликтных зонах в Афганистане, Ираке, Колумбии, Мьянме, Руанде, Сьерра-Леоне, Сирии, Мали, Центрально-Африканской Республике. В каждом из упомянутых случаев непременно возникала проблема мониторинга этих структур, нередко обвиняемых в применении чрезмерной силы – нарушении международного гуманитарного права и международного права в области прав человека.

Эта статья посвящена пробелам в международном правовом поле регулирования ЧВОК, что создает препятствия для выстраивания успешного взаимодействия клиентов с предприятиями и утверждения «корпоративных армий» в качестве легитимных акторов глобальной политики. Разбор правовых аспектов поможет прояснить нечетко определенные понятия и провести принципиальное разграничение между наемниками, иностранными добровольцами и контрактными армиями. Несмотря на широкий географический охват деятельности ЧВОК, мы ограничим спектр изучаемых кейсов Афганистаном, Ираком и Сирией, которые относим к региону «большого» Ближнего Востока. Одной из причин такого сужения выступает внушительный объем общедоступных источников, касающихся этих стран. Безусловно, зоны работы ЧВОК не сводятся к локациям повышенного риска, однако в данном случае интерес представляют именно вооруженные конфликты – прежде всего из-за наибольшей неоднозначности высвечиваемых ими правовых аспектов.

Статья выстроена следующим образом. Вначале представляется важным описать специфику современной военно-охранной индустрии, ее краткую историю и причины подъема, наблюдаемого с 1990-х. Далее на материалах трех указанных стран будет прочерчена концептуальная граница между легальными предприятиями и тем феноменом, который принято называть «наемничеством». Здесь же на примерах выполнения ЧВОК правительственных контрактов в Афганистане, Ираке и Сирии будут рассмотрены правовые проблемы, возникающие в их деятельности. В завершении статьи – поскольку Рубикон уже перейден, а степень приватизации государственных функций в сфере безопасности будет неизбежно нарастать – предполагается обозначить некоторые базовые механизмы мониторинга ЧВОК, потенциально способные минимизировать риски и повысить качество сотрудничества клиентов с контрактными силами в «горячих точках».

ЧАСТНОЕ ВОЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: НЕМНОГО ИСТОРИИ

Хотя большинство ученых согласны, что предшественниками ЧВОК были именно наемники эпохи Средневековья и Нового времени, считать эти явления идентичными – значит, чрезмерно упрощать действительность. Несмотря на то, что главными героями политической истории обычно изображаются государства, их лидеры и подчиненные им регулярные армии, в исторической перспективе монополия на легитимное насилие выступает скорее исключением, чем правилом. Суверенное национальное государство представляет собой относительно новую организационную модель; военный историк Мартин ван Кревельд иронично называет ее «театральной постановкой, в которой военным учреждениям нравится и выгодно играть»⁶. Тем не менее даже на протяжении недолгого четырехсотлетнего существования этой модели политические акторы продолжали опираться на частную силу в том или ином формате⁷. Наемные войска оставались неотъемлемой частью военного дела с самых его истоков: начиная с германских племен, поступавших на службу к римлянам, воинов-варягов, ищущих заработка у киевских князей, итальянских кондотьеров и немецких ландскнехтов эпохи Возрождения, частных армий Ост-Индских компаний и заканчивая отрядами «Бешеного Майка» в конголезских войнах 1960-х.

Безусловно, с утверждением регулярных армий и профессионализацией военной деятельности, а также постепенным становлением национальных государств после Вестфальского мира (1648) использование порой сомнительной и ненадежной наемной силы значительно сократилось. На протяжении последующих столетий «частники» продолжали привлекаться для сопровождения первых лиц, торговых миссий, подавления восстаний в колониях, хотя их прежняя слава угасала. По словам Джеффри Хербста, «частное предоставление насилия было обычным делом в международных отношениях вплоть до XX века»⁸. Такому положению способствовало то, что до начала деколонизации, в ходе которой отряды наемников выступали на стороне великих держав, не существовало никаких законодательных актов, запрещающих или ограничивающих их деятельность. Первые международные и национальные проекты,

6 CREVELD M. VAN. *The Transformation of War: The Most Radical Reinterpretation of Armed Conflict Since Clausewitz*. New York: Free Press, 1991. P. 131 [КРЕВЕЛЬД М. ВАН. *Трансформация войны*. М.: ИРИСЭН, 2019. – Примеч. ред.].

7 SINGER P.W. *Corporate Warriors: The Rise of Privatized Military Industry*. Ithaca: Cornell University Press, 2008. P. 20.

8 HERBST J. *The Regulation of Private Security Forces* // MILLS G., STREMLAU J. (Eds.). *The Privatisation of Security in Africa*. Pretoria: South Africa Institute of International Affairs, 1999. P. 117.

нацеленные на преодоление давно устоявшейся практики, появились во многом из-за возникшей ассоциации наемничества с подавлением права народов на самоопределение, нарушении прав человека и, соответственно, Устава ООН⁹.

Так, наемничество сегодня уголовно наказуемо во многих государствах (например в случае Российской Федерации это установлено статьей 359 Уголовного кодекса) и осуждается международным гуманитарным правом – в частности, статьей 47(2) первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям (1977) и Международной конвенцией о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников (1989). Однако международные документы не содержат четкого определения наемничества, а из-за малой поддержки со стороны членов ООН они остаются не слишком эффективными¹⁰. Более подробно нюансы этой темы будут рассмотрены ниже, а пока уточним определение интересующего нас бизнеса военно-охранных услуг и причины возрождения интереса к аутсорсингу государственных функций в сфере безопасности.

В самом общем смысле ЧВОК – адаптированная версия наемников прошлого, подверстанная под современную социальную реальность, включая военные действия четвертого поколения. Они унаследовали многие характеристики предшественников, однако, в отличие от «обычных» наемников, представляют собой коммерческие структуры и действуют в легальном поле¹¹. Причем многие ЧВОК оказываются аффилированными с добывающими предприятиями (например «Halliburton», «Anglo-American» или «Branch Energy»), а их акции свободно обращаются на фондовом рынке (например акции компаний «DynCorp», «G4S» «ArmorGroup», «MPRI», «Garda World» торгуются на биржах Лондона, Нью-Йорка и Торонто). Формально первой ЧВОК считается «WatchGuard International», учрежденная в 1965 году ветеранами британской Особой воздушной службы (SAS). Она заключала контракты с правительствами Ирана, Замбии, Сьерра-Леоне по подготовке местных регулярных армий, однако вплоть до окончания «холодной войны» подобные практики широко критиковались. С чем же связан рост глобального спроса на ЧВОК и почему расцвет индустрии пришелся именно на 1990-е?

После распада коммунистического блока произошло резкое снижение расходов на оборону и, соответственно, сокращение штатной численности военнослужащих как в странах НАТО, так и в странах, связанных с прекратившим свое действие Варшав-

9 SINGER P.W. *Op. cit.* P. 37.

10 GOVERN K.H., BALES E.C. *Taking Shots at Private Military Firms: International Law Misses Its Mark (Again)* // *Fordham International Law Journal*. 2008. Vol. 32. № 55. P. 95.

11 SINGER P.W. *Op. cit.* P. 9.

ским договором¹². В результате рынок труда оказался перенасыщенным квалифицированными кадрами, уволенными в запас и нуждавшимися в заработке. Одновременно с 1980-х во многих странах Запада наметился тренд на либерализацию экономики и сокращение государственного участия в ней¹³. Кроме того, в тот же период из-за масштабных геополитических и экономических трансформаций, обусловленных крахом биполярного мира, в хрупких (*fragile*) государствах, ранее патронируемых военными блоками, образовался своего рода «вакуум безопасности»¹⁴. Оставшись без внешней поддержки, эти государства не могли далее сдерживать «спящие» внутригосударственные конфликты. Ради удержания власти их режимы были готовы обращаться за помощью к сторонним акторам, в том числе и негосударственным. Именно эта совокупность факторов способствовала росту спроса на услуги охранных предприятий, готовых взять на себя часть государственных функций по обеспечению безопасности.

В самом общем смысле ЧВОК – адаптированная версия наемников прошлого, подверстанная под современную социальную реальность, включая военные действия четвертого поколения.

Согласно законам рынка провайдерам военно-охранных услуг нужны были клиенты, готовые платить. Возродившиеся после адаптации к новой системе международных отношений «свободные компании» сумели привлечь заказчиков широким набором услуг, кадровым потенциалом, результативностью и эффективностью¹⁵. ЧВОК превратились в инструменты, которые нередко использовались государствами для повышения боеспособности собственных армий, сохранения власти и контроля над ресурсами, оказания внешнеполитического влияния без прямого военного вмешательства. В то же время для корпораций и фирм, международных и неправительственных организаций подобные услуги оказались привлекательным способом защиты инфраструктуры и персонала в условиях повышенного риска. Соответственно, сами военно-охранные

- 12** AVANT D. *Market for Force: The Consequences of Privatizing Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 80–81; БАЕВ П. *Траектория российской армии: сокращение, разложение, поражение // Вооруженные силы России: власть и политика / Под ред. С. Миллера, Д. Тренина. М.: Индердиалект+, 2005. С. 51.*
- 13** BRANOVIĆ Ž. *The Privatization of Security in Failing States: A Quantitative Assessment // Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces*. 2011. № 24. P. 3.
- 14** AVANT D. *Op. cit.* P. 83.
- 15** RICHARDS A., SMITH H. *Addressing the Role of Private Security Companies within Security Sector Reform Programmes // Journal of Security Sector Management*. 2007. Vol. 5. № 1. P. 2.

предприятия, вышедшие на рынок, видят в вооруженных конфликтах ресурс для достижения корпоративных целей, а насилие интересует их исключительно как товар или условие получения прибыли.

Разумеется, востребованность и расширение военного бизнеса мотивируются также его прибыльностью. Ежегодный прирост этого сегмента мирового рынка в среднем составляет 7,4%; например, с 1990 года мировой годовой оборот ЧВОК вырос с 55,6 миллиарда до 250–300 миллиардов долларов США¹⁶. Компании, как правило, рекрутируют бывших военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов для выполнения множества функций в области безопасности, среди которых тыловое и техническое обеспечение военных действий, тактическое и стратегическое планирование, реализация мер по поддержанию мира и его силовому установлению (*peace enforcement*)¹⁷.

В настоящее время по всему миру действуют сотни ЧВОК. Например, после вторжения международных коалиционных сил в Ирак на территории этого государства по контрактам с Министерством обороны США и оккупационной администрацией в разное время работали до 32 ЧВОК, насчитывавших 163 тысячи сотрудников¹⁸. Наиболее известные из них – такие корпорации-гиганты, как «Triple Canopy», «Aegis Defence Services», «DynCorp International LLC». Каждая из подобных компаний занимала отдельную нишу, выполняя функции, варьировавшие от личной охраны первых лиц и объектов инфраструктуры, управления рисками, тренировки местной армии и до обеспечения действий сил коалиции в ходе боевых операций¹⁹. Согласно типологии, которую предложил Питер Сингер, ЧВОК можно классифицировать по трем категориям в зависимости от приближенности их персонала к переднему краю обороны: это провайдеры тыловой поддержки, военного консалтинга и собственно военной силы²⁰.

Понятно, что наибольшее внимание привлекают компании – провайдеры военной силы, поскольку именно они, находясь в эпицентре боевых действий, являются своеобразными «множителями силы» (*force multipliers*)²¹. В качестве классических

16 Никитин А.А., Небольсина М.А. *Перспективы регулирования частных военных и охранных компаний* // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 2(47). С. 146.

17 OWENS P. *Distinctions, Distinctions: «Public» and «Private» Force?* // International Affairs. 2008. Vol. 84. № 5. P. 980.

18 LOVEWINE G. *Outsourcing the Global War on Terrorism: Private Military Companies and American Intervention in Iraq and Afghanistan*. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 6; CONGRESSIONAL RESEARCH SERVICE (CRS). *Private Security Contractors in Iraq: Background, Legal Status, and Other Issues: CRS Report for Congress, August 25, 2008* (<https://sgp.fas.org/crs/natsec/RL32419.pdf>).

19 AVANT D. *Op. cit.* P. 19.

20 SINGER P.W. *Op. cit.* P. 91.

21 Ibid. P. 95.

примеров таковых можно сослаться на южноафриканскую «Executive Outcomes» и британскую «Sandline International», прославившиеся в 1990-е. Но вопреки распространенному мнению подобные фирмы остаются на рынке относительной редкостью. Именно поэтому в настоящей статье аббревиатура ЧВОК подменяет собой более известную аббревиатуру ЧВК: последняя охватывает лишь малый спектр услуг, связанных с работой на линии соприкосновения.

Резкое увеличение количества компаний к концу 1990-х и, следовательно, нарастание конкуренции между ними вынудили фирмы более интенсивно адаптироваться под рыночные условия. Для стабильного роста, ведения транснационального бизнеса и привлечения новых клиентов компаниям требовалась легитимация на международной арене, а тесная ассоциация провайдеров военной силы с нереспектабельными «солдатами удачи» несла с собой слишком большие репутационные и финансовые риски²². В связи с этим большая часть предприятий примерно с начала 2000-х стремится избавиться от неприятного клейма наемничества посредством расширения набора услуг, приспособленных к конфликтам нового типа, и акцентирования охранных (оборонительных) функций. Иначе говоря, эпоха упомянутых «множителей силы» практически закончилась: сегодня лишь небольшое число локальных компаний берутся за исключительно «грязную» работу, о которой, как правило, в открытых источниках не сообщается.

Соответственно, гораздо чаще встречаются две другие категории ЧВОК, которые и составляют сегодня большинство на мировом рынке военных услуг. Консалтинговые агентства, провайдеры тыловой поддержки, материального снабжения и боевой подготовки – главные подрядчики правительственных сил и коммерческих структур на театрах военных действий в Афганистане, Ираке и Сирии. В эту группу попадают упомянутые выше фирмы, а также нанятые Министерством обороны США в Ираке «Blackwater» (известная по громким заголовкам, ныне часть «Triple Canopy»), «EOD Technology», «Special Operations Consulting-Security Management Group» и даже зарегистрированная в России «RSB Group»²³. Тем не менее, даже не выполняя функции «множителей силы», компании подобного типа и их клиенты продолжают сталкиваться с многочисленными правовыми препятствиями, что тормозит полную легитимацию международного рынка военно-охранных услуг.

22 ABDEL-FATAU M., FAYEMI J. *Mercenaries: An African Security Dilemma*. London: Pluto Press, 2000. P. 24.

23 Примечательно, что «RSB Group», которую основатель организации Олег Криницын, как отмечено на официальном сайте, позиционирует в качестве российской частной *военной* компании, по всем документам проходит в качестве ООО «ЧОО «РСБ-ГРУПП» – частной охранной организации – из-за отсутствия в правовом поле России понятия ЧВОК (ЧВК). См. сайт организации: <https://rsb-group.ru/documents>.

Подтверждения этого тезиса можно найти в кейсах трех указанных стран. Поэтому, кратко рассмотрев индустрию в целом, перейдем к тонкостям правового регулирования разносторонней деятельности компаний на материале обширного опыта аутсорсинга военно-охранных функций в конфликтах Афганистана, Ирака и Сирии.

Американские военные операции в Афганистане и Ираке, являющиеся частью глобальной «войны с террором», начались в октябре 2001-го и марте 2003-го соответственно. Они сопровождались значительным вовлечением союзнических сил НАТО и ООН²⁴. Тем не менее, чтобы поддержать военные усилия, профильные ведомства США направили на оба театра военных действий тысячи сотрудников ЧВОК, специализировавшихся на консалтинге и тыловой поддержке. На протяжении американского присутствия в Афганистане и Ираке сотрудники ЧВОК составляли в среднем половину общей численности воинского контингента. Иногда цифра была выше: например, согласно данным Министерства обороны США, в 2016 году «частники» составляли около 72% американского контингента, дислоцированного в Афганистане²⁵. Миссии США официально завершились совсем недавно: в августе (Афганистан) и декабре (Ирак) 2021 года; при этом надо понимать, что вывод войск далеко не всегда означает полную демилитаризацию – вполне вероятно, что большинство функций выводимых войск просто перешли в руки подрядчиков.

Военно-охранные предприятия, вышедшие на рынок, видят в вооруженных конфликтах ресурс для достижения корпоративных целей, а насилие интересует их исключительно как товар или условие получения прибыли.

Сирийский случай в этом смысле более сложен, поскольку активная фаза боевых действий еще не завершена и «на земле» по-прежнему остается немало неясностей. Революция 2011 года в Сирии с самого начала привлекла пристальное внимание региональных игроков в лице Ирана, Катара, Турции, Саудовской Аравии, заинтересованных либо в сохранении, либо в свержении баасистского режима. В 2014-м началась ин-

24 Никитин А.И. *Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование*. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 326–327.

25 PETERS H., SCHWARTZ M., KAPP L. *CRS Report R44116, Department of Defense Contractor and Troop Levels in Iraq and Afghanistan: 2007–2017*. Congressional Research Service. 2017. May 13 (www.hsdl.org/?view&did=800732).

тервенция США, а со вступлением в конфликт осенью 2015-го России ситуация еще более обострилась ввиду значительно-го умножения возможностей, которыми располагали игроки. С эскалацией сирийского конфликта на сцену вышли разнообразные прокси-силы, представляющие заинтересованных внешних акторов: иностранные добровольцы, отряды самообороны, ЧВОК, исламистские формирования различного толка²⁶. Высокая степень вовлеченности государственных акторов и их негосударственных агентов весьма затрудняет идентификацию и мониторинг ЧВОК, присутствующих на сирийском театре военных действий. Тем не менее ниже мы попытаемся прочертить границу между контрактниками и прочими участниками, а также охарактеризовать правовые пробелы, обнаружившиеся и в сирийском, и в прочих упомянутых кейсах.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧВОК И Уязвимость их сотрудников

Итак, о каких сложностях применения принципов международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах идет речь, когда мы занимаемся частными военными и охранными компаниями? Здесь можно выделить три основных момента, связанных друг с другом: 1) неопределенность статуса ЧВОК в контексте гуманитарного права и, соответственно, проблема классификации их сотрудников в ходе военных действий; 2) неоднозначность субъекта, несущего ответственность за незаконные действия персонала ЧВОК; 3) размытое представление о механизмах управления, уровнях контроля и контрактных правилах компаний. Рассмотрим эти пункты подробнее.

Обратимся для начала к упомянутому ранее острому вопросу наемничества. В статье 47 первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям утверждается, что наемник не имеет права на статус комбатанта или военнопленного. Наемником называется любое лицо, которое:

- а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;
- б) принимает непосредственное участие в военных действиях;
- в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение;

26 См.: Семенов К.В., Коротаев А.В. *Сирийский кризис // Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта* / Под ред. А.М. Васильева, А.В. Коротаева, Л.М. Исаева. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 132–147.

дение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

г) *не является* ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

д) *не входит в личный состав вооруженных сил* стороны, находящейся в конфликте;

е) *не послано* государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил²⁷.

Международное гуманитарное право не стремится пресекать использование наемников *per se* или подвергать их наказанию, а лишь помогает государствам это сделать²⁸. Последствия отмены иммунитета законного участника боевых действий могут быть весьма серьезными: потерявшее его лицо будет подлежать уголовному преследованию согласно внутреннему праву государства, а также потеряет привилегии обращения с военнопленными. Соответственно, ослабление защиты, обеспечиваемой международным гуманитарным правом, может косвенно препятствовать тому, чтобы лица добровольно ставили себя в уязвимое положение, занимаясь наемничеством²⁹.

Для лучшего понимания разберем неоднозначности, возникающие при рекрутировании. Помогут нам в этом семьдесят граждан Фиджи, которые в 2005 году были наняты британскими ЧВОК «ArmorGroup» и «Global Risk Strategies» для предоставления услуг по охране аэропорта Багдада, управлению рисками, разминированию и техническому обеспечению систем безопасности³⁰. Будут ли эти люди подпадать под определение наемников из статьи 47 первого Дополнительного протокола? Предварительный ответ – нет. Однако при более тщательном прочтении пунктов статьи обнаруживается ряд нюансов и спорных моментов. Прежде всего – в документе речь идет об индивидуальных наемниках, а не о юридических лицах, к каковым относятся исследуемые бизнес-структуры. Безусловно, можно исходить из того, что сами по себе сотрудники ЧВОК – лица физические, потенциально имеющие шанс быть уличенными в наемничестве, но даже при допущении подобной трактовки вопросы мотивации и интерпретации «непосредст-

27 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)*. International Committee of the Red Cross. 1977. June 8 (www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf).

28 CAMERON L. *Private Military Companies: Their Status under International Humanitarian Law and Its Impact on Their Regulation* // International Review of the Red Cross. 2006. Vol. 88. № 863. P. 580.

29 *Ibid.* P. 583.

30 MACLELLAN N. *Fiji, Iraq and Pacific Island Security* // Race and Class. 2007. Vol. 48. № 3. P. 52–53.

венного участия в боевых действиях» остаются не до конца проясненными.

Во-первых, оценивая работу упомянутых граждан Фиджи, трудно доказать наличие материальной мотивации – несмотря на то, что месячная зарплата привлеченных сотрудников (1700–3000 долларов США) значительно превышала их доходы на родине³¹. Теоретически они могли быть побуждаемы, скажем, идеологическими соображениями, желая искоренить международный терроризм, а вознаграждение воспринималось ими только как приятный бонус. Более того, в статье 47 указано, что вознаграждение наемника должно быть обещано *сторонней конфликт* или по ее поручению, но в данном случае трудовой договор фиджийцы заключали с юридическими лицами – с «Homeland Security Ltd» (дочерней компанией «Armor-Group») и «Global Risk Strategies», – а не напрямую с официальными представителями государств-участников войны в Ираке. Во-вторых, необходимо выяснить, будет ли факт найма для исполнения описанных выше задач вербовкой с целью «непосредственного участия». Несмотря на попытки уточнения этого понятия, на сегодняшний день не существует его четкого определения – за исключением разъяснительно-рекомендательного документа Международного Комитета Красного Креста от 2009 года³². Из-за этого трактовка пунктов а) и б) всякий раз будет определяться конкретной ситуацией, хотя к сотрудникам, выполняющим тыловые задачи, эти пункты, как правило, относиться не будут.

Но как тогда, например, можно интерпретировать применение персоналом «Global Risk Strategies» оружия для отражения атаки иракских повстанцев в 2004-м в Мосуле или похожий случай в Наджафе в том же году, когда люди из «Blackwater» в ходе столкновения с шиитскими боевиками израсходовали «тысячи патронов»?³³ Можно ли было эти действия, имевшие явно оборонительный характер, расценивать как «прямое участие»? В соответствии с международным гуманитарным правом любые акты насилия независимо от наступательного или оборонительного характера будут считаться нападением, и, трактуя «прямое участие» как синоним «нападения», мы получаем утвердительный ответ³⁴. Однако даже в такой ситуации главный аргумент ЧВОК будет сводиться к тому, что в соответствии

31 Ibid. P. 54.

32 MELZER N. *Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law*. International Committee of the Red Cross. 2009 (www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/icrc-002-0990.pdf).

33 MACLELLAN N. *Op. cit.* P. 55; PRIEST D. *Private Guards Repel Attack on U.S. Headquarters // The Washington Post*. 2004. April 6 (www.washingtonpost.com/archive/politics/2004/04/06/private-guards-repel-attack-on-us-headquarters/fe2e4dd8-b6d2-4478-b92a-b269f8d7fb9b/).

34 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года...* Ст. 49.1.

с договором сотрудники не нанимались для реализации *этой задачи* – то есть выполнения боевых функций на постоянной основе.

Иначе говоря, похоже, что категория «наемник» в международном гуманитарном праве слишком вариативна и с правовой точки зрения мало применима к современным военно-охранным предприятиям и их сотрудникам. В перспективе и международного, и национального права для попадания в эту категорию необходимо удовлетворять всем требованиям положений первого Дополнительного протокола³⁵. Суммарный опыт Афганистана и Ирака показывает: большая часть подрядчиков широко нанимала людей, являющихся гражданами государств – сторон конфликта; при этом они исходили из практических соображений боевой подготовки, знакомства с местным ландшафтом и населением, знания языков. Так, в 2016 году среди находившихся в Афганистане 25 тысяч подрядчиков американского Министерства обороны примерно 41% составляли местные контрактники, 36% – граждане США (в основном руководящий состав) и остальные 23% – граждане других стран, преимущественно входящих в НАТО³⁶. Между тем рекрутирование граждан, представляющих стороны конфликта, уже противоречит самому определению наемника.

В итоге дефиниция наемничества предстает настолько абстрактной, что, как писал Джеффри Бест, «любой адвокат, неспособный оградить своего клиента от признания за ним этого статуса, заслуживает как минимум лишения лицензии»³⁷. Тем не менее клеймо по-прежнему широко применяется к сотрудникам военных предприятий и фирм, возможно, из-за эффектных заголовков в СМИ. Так, например, довольно часто появляются статьи и журналистские расследования о работающих в Сирии «российских наемниках» или «ЧВК Вагнера» – неофициальной военной организации, не имеющей юридического статуса на территории России³⁸. Возможно, компания представляет своего рода собирательный образ коллективного актора, деятельность которого отождествляется с интересами Российской Федерации за рубежом. В тех ситуациях, когда намеренно конструируемый информационный поток не позволяет отличить действительность от виртуальной реальности,

ПОЛИНА МАКСИМОВА

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ
И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ...

35 PAŁKA W. *The Awakening of Private Military: Special Report*. Warsaw: Warsaw Institute, 2020 (<https://warsawinstitute.org/awakening-private-military-companies>).

36 PETERS H., SCHWARTZ M., KAPP L. *Op. cit.*

37 BEST J. *Humanity in Warfare: The Modern History of the International Law of Armed Conflict*. London: Weidenfeld and Nicholson, 1980. P. 375.

38 См., например: Рождественский И., Баев А., Русяева П. *Призраки войны: как в Сирии появилась российская частная армия* // Журнал РБК. 2016. 9 сентября (www.rbc.ru/magazine/2016/09/57bac4309a79476d978e850d); LINDER A. *Russian Private Military Companies in Syria and Beyond* // *New Perspectives in Foreign Policy*. 2018. № 16. P. 14–21.

довольно трудно определить, с чем же все-таки мы имеем дело – с инструментом информационного воздействия или же с составной частью какой-то *grand strategy*³⁹. Поэтому ради сохранения объективности упомянутая «группа Вагнера» в этой статье затрагиваться не будет; о ней нужно писать отдельно и основательно.

Любопытно, что ассоциируемые с наемниками сотрудники ЧВОК также нередко приравниваются к иностранным добровольцам (*foreign fighters / foreign volunteers*). Это происходит, как правило, из-за того, что их происхождение или гражданство не имеет отношения к локации конфликта, а их участие в нем добровольно. Но такой подход опять же не вполне корректен и создает дополнительные сложности при категоризации акторов военных действий. Наиболее яркий пример подобного недоразумения – сирийский кризис с его беспрецедентной численностью иностранных добровольцев, в том числе и российских, исчисляющихся сотнями и тысячами, воюющих за самые разные стороны⁴⁰. По данным Сирийского центра мониторинга соблюдения прав человека, с начала гражданской войны в 2011-м и по 2020 год в ходе боевых действий были убиты около 10 тысяч проправительственных иностранных добровольцев и в несколько раз больше антиправительственных, состоящих в военном альянсе сирийских демократических сил или воюющих на стороне радикальных группировок, террористических организаций⁴¹.

Однако в международном гуманитарном праве термин «иностраный доброволец» отсутствует, поэтому мы можем отталкиваться только от общепринятого в академических кругах определения, которое гласит:

«Иностранные добровольцы – это частные лица, движимые идеологическими, религиозными и/или родственными соображениями, которые покидают страну своего происхождения или постоянного пребывания для присоединения к стороне вооруженного конфликта и участия в нем»⁴².

Очевидно, что персонал ЧВОК не может быть отнесен к этой категории: если принадлежащие к нему лица и покидают страну происхождения (проживания), то они делают это на контрактной основе и исключительно в качестве сотрудников биз-

39 EDELMAN M. J. *The Politics of Misinformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

40 См., например: *Зачем добровольцы едут в Сирию? Ветеран о группе Вагнера* // Regnum. 2018. 10 июля (<https://regnum.ru/news/2445879.html>); BAKKER E., SINGLETON M. *Foreign Fighters in the Syria and Iraq Conflict: Statistics and Characteristics of a Rapidly Growing Phenomenon* // DE GUTTRY A., CAPONE F., PAULUSSEN C. (Eds.). *Foreign Fighters under International Law and Beyond*. The Hague: Asser Press, 2016. P. 13–14.

41 SYRIAN OBSERVATORY OF HUMAN RIGHTS. *Fourteen Years of Championing Human Rights in Syria* (www.syriaohr.org/en/wp-content/uploads/2020/06/14-y-en.pdf).

42 BAKKER E., SINGLETON M. *Op. cit.* P. 12. *Курсив мой.* – П. М.

нес-структур, ориентированных на повышение экономической эффективности. Их персональные мотивы в данном случае не имеют значения. Кроме этого, как и в ситуации с наемниками, здесь не вполне ясной остается трактовка «участия в вооруженном конфликте». Поэтому, говоря о добровольцах в контексте сирийских или любых других военных действий, следует избегать причисления к ним ЧВОК.

Но раз сотрудники ЧВОК не наемники и не иностранные добровольцы, то кто же они? Возможно, комбатанты? Согласно пункту 2 статьи 43 первого Дополнительного протокола, для присвоения этого статуса лица обязаны входить «в состав *вооруженных сил* стороны, находящейся в конфликте»⁴³, и это дает им право принимать непосредственное участие в военных действиях с сохранением положения военнопленного в случае попадания в руки противной стороны. В этом же пункте утверждается, что «вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из *всех* организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных»⁴⁴.

Означает ли сказанное, что сотрудникам фирм-подрядчиков, заключавших напрямую с Министерством обороны США или, например, с Министерством обороны России контракты на выполнение небоевых задач на театрах военных действий, тоже будет предоставлен такой статус? Ведь пусть и косвенно, но они также будут находиться под командованием ответственных ведомств. К сожалению или к счастью, но самого наличия этой сложной иерархии подчинения недостаточно, чтобы рассматривать персонал военно-охранных фирм в качестве военнослужащих. Чтобы стать таковыми, на них должна распространяться *обязанность* быть включенными в личный состав стороны конфликта или обладание специальным документом, подтверждающим их статус приписанных к вооруженным силам лиц⁴⁵.

То есть, если бы два упомянутых условия выполнялись, то это решило бы большинство вопросов регулирования ЧВОК в рамках международного гуманитарного права. Однако войны в Афганистане и Ираке показали, что государства и их институты ни разу не прибегали к подобной практике, и понятно почему: ведь весь смысл приватизации как раз в том, чтобы передать частному сектору то, что ранее было прерогативой государственных органов⁴⁶. Так, в действующей доктрине Ми-

43 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года...* Ст. 43.2. *Курсив мой.* – П. М.

44 Там же. *Курсив мой.* – П. М.

45 *Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными.* Ст. 43.4 (www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_1.shtml).

46 CAMERON L. *Op. cit.* P. 583.

нистерства армии США от 2019 года прямо указано, что ЧВОК исключаются из структуры военного управления:

«Руководство деятельностью подрядчика осуществляется через ответственную подрядную организацию, а не через командные структуры. Полномочия командиров подразделений не распространяются на подрядчиков или их сотрудников; только подрядные организации ответственны за координацию действий сотрудников и контроль над ними»⁴⁷.

Выведение из системы военного командования не означает, что военные ведомства вообще не влияют на работу подрядчика на местах, однако из него следует, что сотрудники ЧВОК – исходя из статьи 43 – не могут рассчитывать на статус комбатантов.

Сирийский случай здесь несколько выделяется. Безусловно, там тоже действуют многопрофильные ЧВОК, но, например, из-за обилия российских оффсетов⁴⁸ в сфере военно-технического сотрудничества и присутствия в регионе множества акторов нередко возникает путаница. В рамках оффсетов обычно производится логистическое сопровождение и материально-техническое обеспечение закупок. Эти программы реализуются лицами, которых в западной литературе нередко путают с сотрудниками ЧВОК (как, в частности, это произошло в 1997–1999 годах с персоналом авиационного холдинга «Сухой»)⁴⁹. Но, действительно являясь инструкторами или советниками, эти лица скорее будут представлять предприятия, входящие в состав государственной корпорации «Ростех», или Министерство обороны России, чем какое-то военно-охранное предприятие. Поэтому в сирийской ситуации исследователь зачастую будет иметь дело с лицами, либо гражданскими, либо «следующими за вооруженными силами»⁵⁰ и обладающими соответствующими удостоверениями, либо инкорпорированными в состав вооруженных сил. Эти лица, согласно Женевской конвенции об обращении с военнопленными, могут при определенном развитии событий претендовать на статус военнопленных. При этом сотрудникам ЧВОК подобный документ не положен⁵¹.

47 U.S. JOINT CHIEFS OF STAFF. *Operational Contract Support*, JP 4–10. Washington, D.C., 2019 (www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp4_10.pdf).

48 Оффсетсы – сделки, в рамках которых экспортер продукции военного или двойного назначения принимает на себя обязательство компенсировать импортеру, в данном случае Сирийской Арабской Республике, в той или иной форме часть расходов, связанных с приобретением товара. См.: МАРЧЕНКО Е.А. *Оффсетная деятельность на мировом рынке вооружений: показатели и перспективы развития* // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2009. № 4. С. 1.

49 См., например: SINGER P.W. *Op. cit.* P. 173.

50 Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. Ст. 4.4.

51 НИКИТИН А.А., НЕБОЛЬСИНА М.А. *Указ. соч.* С. 148.

В пункте 3 статьи 43 первого Дополнительного протокола также говорится, что сторона конфликта может при уведомлении других участников включать в свой личный состав «полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка»⁵², которая формально будет приравнена к комбатантам. Для этого представители этой организации обязаны, как и комбатанты, а) отличать себя от гражданского населения и б) открыто носить оружие⁵³. Однако, не являясь ни сопровождающими, ни инкорпорированными в состав вооруженных сил структурами, многие ЧВОК, работающие в горячих точках, не имели и не имеют единых нормативов, регулирующих внешний вид персонала, а также регламентов об открытом ношении оружия. Опыт аутсорсинга во времена Афганистана продемонстрировал, что большинство сотрудников ЧВОК носят гражданскую одежду вместо уникальных униформ с отличительными знаками⁵⁴. То же было и в последующих вооруженных конфликтах, в том числе и в Сирии, поскольку, по словам сотрудников, выделяться из толпы в условиях повышенного риска крайне невыгодно и опасно⁵⁵.

Вопрос об оружии также непрост: и для Афганистана, и для Ирака американское Министерство обороны разработало два типа контрактов: по обеспечению внутренней безопасности в масштабах всего театра военных действий (Theatre Wide Internal Security Services – TWISS) и по поддержке безопасности при реконструкции (Reconstruction Security Support Services – RSSS). Контракт типа TWISS предполагал наиболее гибкие условия работы подрядчиков и их допуск не только к стрелковому, но и артиллерийскому вооружению, а также авиационной технике⁵⁶. Скорее всего для контрактников, работающих сегодня в Сирии с американской стороны, действуют схожие правила. Кроме того, многие подрядчики на территории Ирака и Афганистана также привлекались к эксплуатации и техническому обеспечению состоящего на вооружении ВВС США дрона MQ-1 «Predator»⁵⁷. Выполнение функций операторов беспилотных летательных аппаратов, равно как и использование огнестрельного оружия, может быть приравнено, в соответствии со статьей 49 первого Дополнительного протокола, к нападению⁵⁸. Следовательно, TWISS и подобные ему контрак-

52 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года...* Ст. 43.3.

53 Там же.

54 JORAS U., SCHUSTER A. *Private Security Companies and Local Populations: An Exploratory Study of Afghanistan and Angola*. Bern: Swiss Peace Foundation, 2008. P. 19 (www.files.ethz.ch/isn/55112/WP_1_2008.pdf).

55 RONDEAUX C. *Inquiry into the Murder of Hamdi Bouta and Wagner Group Operations at the Al-Shaer Gas Plant, Homs, Syria 2017*. Washington, D.C.: New America, 2020. P. 17–26.

56 LOVEWINE G. *Op. cit.* P. 8.

57 *Ibid.* P. 189.

58 *Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года...* Ст. 49.1.

ты ставят сотрудников ЧВОК, не являющихся по всем параметрам полноправными участниками военных действий (комбатантами), в неоднозначное и «пограничное» положение.

В официальных ресурсах персонал ЧВОК обычно именуют «гражданскими инструкторами», подчеркивая тем самым, что они выполняют исключительно вспомогательные функции и не принимают участия в боевых действиях. Заказчики исходят из той логики, что *raison d'être* международного гуманитарного права состоит в защите гражданских лиц в вооруженных конфликтах. Собственно, ради этого и проводится граница между гражданскими лицами и объектами, с одной стороны, и комбатантами и военными объектами, с другой стороны. Статья 50 первого Дополнительного протокола гласит:

«Гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной из категорий лиц, указанных в статье 4А 1), 2), 3) и 6) Третьей конвенции и в статье 43 настоящего Протокола. В случае сомнения относительно того, является ли какое-либо лицо гражданским лицом, оно считается гражданским лицом»⁵⁹.

Положение не дает четкого определения гражданского лица, а вместо этого перечисляет ряд антихарактеристик; иными словами, эта категория людей состоит из всех тех, кто не является военнослужащими или *hors de combat*. Теоретически то же должно относиться и к персоналу ЧВОК даже при наличии неясностей, например, с ношением оружия: если они не комбатанты и не наемники, то они, судя по всему, – гражданские.

Поэтому, с одной стороны, позиционировать персонал ЧВОК в качестве гражданских лиц, обладающих привилегиями, невероятно практично: во-первых, не нужно обосновывать присутствие в регионе дополнительного военного контингента (вспомним соотношение подрядчиков к вооруженным силам на Ближнем Востоке); во-вторых, есть возможность действовать определенным образом, избегая уголовного преследования за серьезные нарушения, которое предусматривается Женевскими конвенциями 1949 года и первым Дополнительным протоколом 1977 года; в-третьих, возникает возможность использовать при необходимости тактику «живого щита»; в-четвертых, пресекается излишнее внимание медиа.

Но, с другой стороны, подобное позиционирование сопряжено и с немалыми издержками для самого персонала. Действительно, с формальной точки зрения сотрудники фирм, участвовавших в ближневосточных конфликтах, принадлежали к упомянутой выше «гражданской» категории, но на деле деятельность предприятий, работающих по государственным

59 Там же. Ст. 50.1.

контрактам, с большим трудом можно отнести к гражданской сфере: ведь ЧВОК оказываются на театре военных действий не случайно и не поодиночке, а организовано и с предписанными целями и задачами⁶⁰. С началом «войны с террором» США обратились к аутсорсингу прежде всего ради компенсации кадровых недостатков и перераспределения живой силы. Министерство обороны предполагало, что с помощью такой стратегии вооруженные силы смогут поддерживать необходимый уровень боеготовности⁶¹. Например, в Афганистане ЧВОК («Aegis Defence Services», «EOD Technology», «Sabre International Security», «Triple Canopy»), как и их коллеги в Ираке, оказывали не только логистическую поддержку американским и коалиционным силам, но и выполняли материально-технические функции на средних и крупных базах передового развертывания⁶². В Сирии же контрактники дислоцируются на военной базе международной коалиции Эт-Танф в провинции Хомс, где совместно с военнослужащими тренируют представителей «Свободной сирийской армии»⁶³.

Таким образом, сотрудники фирм оказываются на стыке частного и публичного международного права и не имеют фиксированного статуса в международном гуманитарном праве, что ставит их в невыгодное положение. Поскольку сторонам в соответствии с *jus in bello* разрешается нападать на военные объекты, среди которых оказываются и базы передового развертывания, отражение подобного нападения не будет трактоваться как самооборона. Значит, работая на военных объектах и участвуя в их защите, гражданские подрядчики не смогут ссылаться на индивидуальное право на самооборону и рискуют получить уголовные обвинения в свой адрес⁶⁴. Это очень тонкий момент: ведь в случае многостороннего конфликта грань между охраной военного персонала и военных объектов от неприятельских нападений и охраной тех же лиц и объектов от насильственных посягательств, не связанных с военными действиями, порой неразличима⁶⁵. И, хотя в угрожающих жизни обстоятельствах редко удается вежливо поинтересоваться статусом соперника, при инциденте первого типа и тесном сотрудничестве с военным контингентом ЧВОК рискуют, сами того не

60 НИКИТИН А.А., НЕБОЛЬСИНА М.А. Указ. соч. С. 149.

61 LOVEMINE G. *Op. cit.* P. 3.

62 *Ibid.* P. 9.

63 *US Private Military Companies Plunder Syrian Oil Facilities – Russia’s General Staff* // TASS. 2019. July 29 (tass.com/world/1070821).

64 DREWS I. *Private Military Companies: The New Mercenaries? An International Law Analysis* // JÄGER T., KÜMEL G. (Eds.). *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. P. 353–354.

65 МЕЛЬЦЕР Н. *Непосредственное участие в военных действиях: руководство по толкованию понятия в свете международного гуманитарного права*. Международный Комитет Красного Креста. 2009. С. 44 (www.icrc.org/ru/document/rukovodstvo-neposredstvennoe-uchastie-v-voennyh-deystviyah).

зная, быть впоследствии осужденными за незаконное участие в боевых действиях и потерять свой иммунитет – право на защиту от нападения⁶⁶. Иначе говоря, из-за «плавающего» статуса ЧВОК их сотрудники сами могут оказаться под угрозой: в определенный момент их вполне могут привлечь к ответственности за преднамеренное нарушение прав человека.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Совершение ЧВОК и их сотрудниками незаконных действий, в том числе связанных с нарушениями международных гуманитарного права и права в области прав человека, вызывает много вопросов. Прежде всего – кого следует привлекать к ответственности за нарушения прав человека или военные преступления: государство-контрагента, ЧВОК или ее сотрудников персонально? Не менее важен вопрос, какой – международный или национальный – суд должен карать за неправомерные действия? Между тем по-прежнему отсутствуют как консенсус относительно зоны и субъекта ответственности за преступления, так и должные механизмы мониторинга и пресечения нелегальной активности. Ближневосточный регион богат примерами, подтверждающими это.

Первые новости об инцидентах, связанных с нарушениями прав человека, появились в апреле 2004 года, когда стало известно об издевательствах над заключенными в иракской тюрьме Абу-Грейб. Позже выяснилось, что к ним, помимо американских военнослужащих, были причастны и гражданские подрядчики из американских ЧВОК «Consolidated Analysis Center» и «Titan»⁶⁷. Хотя некоторые военнослужащие США предстали перед военным трибуналом за свои действия в Абу-Грейб, ни один сотрудник ЧВОК не был привлечен к уголовной ответственности. Через год после инцидента в иракской тюрьме в сети появилось так называемое «трофейное видео» с сотрудниками нанятого Министерством обороны предприятия «Aegis Defence Services». Видео с подмонтированной музыкой Элвиса Пресли содержало четыре отдельных клипа, в которых персонал стрелял по гражданским автомобилям в Багдаде⁶⁸. Несмотря на очевидность правонарушения, Министерство армии США решило, что «все было в рамках оговоренных прин-

66 SCHMITT M. *Humanitarian Law and Direct Participation in Hostilities by Private Contractors or Civilian Employees* // Chicago Journal of International Law. 2005. Vol. 2. № 5. P. 541.

67 ARNPRIESTER N. *Combating Impunity: The Private Military Industry, Human Rights, and The Legal Gap* // University of Pennsylvania Journal of International Law. 2017. Vol. 38. № 3. P. 1196.

68 RAYMENT S. «Trophy Video» Exposes Private Security Contractors Shooting up Iraqi Drivers // The Daily Telegraph. 2005. November 27 (www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/1504161/Trophy-video-exposes-private-security-contractors-shooting-up-Iraqi-drivers.html).

ципов применения силы; нет никаких вероятных оснований полагать, что было совершено преступление»⁶⁹. Никто не был обвинен или привлечен к ответственности.

Следующий громкий случай произошел 16 сентября 2007 года на площади Нисур в Багдаде, когда сотрудники «Blackwater» открыли стрельбу, в результате которой пострадали 37 человек, 17 из которых, в том числе женщины и дети, были убиты. По словам иракского гражданина, чей девятилетний сын погиб в тот день, «“Blackwater” была настолько могущественной, что ее сотрудники могли убить кого угодно и выйти сухими из воды, [...они] обладали властью Саддама Хусейна»⁷⁰. В конечном счете, четверо осужденных за это преступление американских контрактников в 2020 году получили от президента Дональда Трампа полное помилованию и амнистию⁷¹.

Приведенные примеры – лишь ничтожная часть зафиксированных случаев чрезмерного использования силы *гражданскими* контрактниками и совершения ими правонарушений, приводящих к гибели мирного населения. Как полагает эксперт рабочей группы ООН по наемникам, представление о нахождении ЧВОК вне зоны досягаемости международного гуманитарного права создает ощущение безнаказанности и полной свободы действий, а следовательно, подталкивает сотрудников фирм к совершению все новых противозаконных актов⁷². Упомянутая рабочая группа ООН предложила ряд ключевых принципов регулирования деятельности ЧВОК, позволяющих предотвращать или минимизировать нарушение ими прав человека. Действие этих принципов затрагивает и государства, и юридические лица, и индивидуальных сотрудников компаний. Помимо очевидного требования соблюдать права человека и нормы гуманитарного права, среди принципов фигурируют: законность приобретения, владения и использования ЧВОК оружия; адекватное, пропорциональное и осуществляемое на основе мандата применение силы; подотчетность компаний национальным правительствам страны происхождения (регистрации) и возможность регулирования допуска компаний в страну конфликта⁷³.

69 *Aegis Statement Regarding the «Trophy Video»*. Business and Human Rights Resource Centre. 2008. February 27 (www.business-humanrights.org/en/latest-news/doc-aegis-statement-regarding-trophy-video/).

70 Apuzzo M. *Ex-Blackwater Guards Given Long Terms for Killing Iraqis* // The New York Times. 2015. April 13 (www.nytimes.com/2015/04/14/us/ex-blackwater-guards-sentenced-to-prison-in-2007-killings-of-iraqi-civilians.html).

71 *Trump Pardon of Blackwater Iraq Contractors Violates International Law – UN* // Reuters. 2020. December 30 (www.reuters.com/article/us-iraq-blackwater-un-idUSKBN294108).

72 GÓMEZ DEL PRADO J. *Impact in Human Rights of Private Military and Security Companies' Activities* // The Brown Journal of World Affairs. 2011. Vol 18. № 1. P. 153.

73 *Report of The Working Group on The Use of Mercenaries as a Means of Violating Human Rights and Impeding the Exercise of The Right of People to Self-Determination A/HRC/7/7*. UN. Human Rights Council. 2008 (<https://digitallibrary.un.org/record/616722>); Никитин А.А., Небольсина М.А. *Указ. соч.* С. 153.

Перечисленные положения понятны и логичны; но как добиться их воплощения в жизнь? Именно с этой целью в 2008 году была запущена так называемая «швейцарская инициатива», призванная ликвидировать все «серые зоны» в правовом положении ЧВОК. В целом она представляет собой комплекс документов и разработок, призванных обеспечить соблюдение военно-охранными фирмами международного гуманитарного права и права в области прав человека⁷⁴. На сегодняшний день инициатива состоит из трех компонентов, первым из которых является адресованный государствам «Документ Монтрё», предусматривающий их юридические обязательства в отношении ЧВОК. Он содержит рекомендации для четырех категорий государств, касающиеся ответственности в случае незаконных действий ЧВОК, а также свод методов, позволяющих приспособить национальные законодательства к более эффективному регулированию компаний. В упомянутые четыре категории входят: а) государства-контрагенты (*contracting states*), нанимающие ЧВОК; б) государства территориальной юрисдикции (*territorial states*), где ЧВОК выполняют свои функции; в) государства происхождения (*home states*), где ЧВОК зарегистрированы и на которые, в соответствии с документом, возлагается обязанность «расследовать и [...] осуществлять судебное преследование, выдачу или передачу лиц, подозреваемых в совершении преступлений, предусмотренных международным правом»; г) прочие государства.

Вторым компонентом выступает адресованный ЧВОК Международный кодекс поведения ЧВОК, который обязует подписавшие его компании соблюдать положения «Документа Монтрё» и Устава ООН, разработав для этого соответствующие внутренние процедуры и взаимодействуя с национальными органами для создания универсальных стандартов для всех компаний⁷⁵. У кодекса есть много преимуществ: во-первых, его стандарты являются критерием оценки предпринимательской деятельности ЧВОК; во-вторых, он стремится уточнить применяемые к фирмам нормы международного права, очертить границы применения силы, установить иерархию ответственности по линии начальников и подчиненных; в-третьих, он позволяет потенциальным клиентам выявить для себя степень риска при заключении контракта и уровень профессионализма компаний⁷⁶. Все эти преимущества и объясняют, собственно, интерес самих

74 См.: Документ Монтрё. *О соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта*. Женева; Берн: Международный Комитет Красного Креста; Федеральный департамент иностранных дел Швейцарии, 2011 (www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf).

75 INTERNATIONAL CODE OF CONDUCT ASSOCIATION. *International Code of Conduct for Private Security Service Providers* (<https://icoca.ch/the-code/>).

76 Никитин А.А., Небольсина М.А. *Указ. соч.* С. 155.

ЧВОК, являющихся бизнес-структурами, к подписанию этого документа: ведь таким образом они укрепляют свою репутацию надежных партнеров, получают шанс расширить клиентскую базу и, соответственно, увеличить прибыль.

Третьим компонентом является Ассоциация Международного кодекса поведения ЧВОК, которая представляет собой механизм глобального мониторинга, посредством которого отслеживается соблюдение компаниями вышеупомянутого кодекса. Эта структура надзирает за компаниями в полевых условиях и проводит их сертификацию. Кроме того, она занимается приемом жалоб в отношении компаний и юридическим консультированием.

ПОЛИНА МАКСИМОВА
ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ
И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ...

Если ЧВОК все это время служат для государств удобными прокси-силами, зачастую действующими тайно и даже в обход законов, то в чем же смысл нынешнего стремления к саморегулированию и устранению «серых зон»?

Изначально «швейцарскую инициативу» поддержали семнадцать государств, подписавших «Документ Монтрё». На сегодняшний день среди присоединившихся уже 58 стран, в том числе США и Великобритания – крупнейшие поставщики частной силы на Ближний Восток, – а также Афганистан и Ирак, ставшие «привычной средой обитания» для компаний. Сирия документ не подписала, равно как и Россия, которая была приглашена к участию в его разработке еще в 2008 году⁷⁷. Здесь можно задать вопрос: если ЧВОК все это время служат для государств удобными прокси-силами, зачастую действующими тайно и даже в обход законов, то в чем же смысл нынешнего стремления к саморегулированию и устранению «серых зон»? Ответ, видимо, состоит в том, что, действуя в крайне сложных условиях войн четвертого поколения, когда вооруженный конфликт все более походит на продолжение не политики, но бизнеса, приходится больше думать о долгосрочных и разрушительных последствиях неопределенности. Отсюда и возникают потребность в самоконтроле и стремление к сдерживанию своих партнеров и потенциальных соперников. К тому же непосредственных издержек от «швейцарской инициативы» не так уж и много; в конце концов, пути обхода всегда при большом желании можно найти.

77 Подробнее см.: FEDERAL DEPARTMENT OF FOREIGN AFFAIRS OF SWISS CONFEDERATION. *Participating States of Montreux Document* (www.eda.admin.ch/eda/en/fdfa/foreign-policy/international-law/international-humanitarian-law/private-military-security-companies/participating-states.html).

КРАТКИЕ ИТОГИ

Обратившись к анализу индустрии ЧВОК на основе примеров из Афганистана, Ирака и Сирии, накопивших весьма богатый опыт присутствия частной силы, нам удалось выявить множество пробелов в правовом регулировании военно-охранных компаний. Эти пробелы, касающиеся в основном неясного статуса их сотрудников, объясняют непрозрачность их деятельности, а также вытекающие из нее безнаказанность и склонность к нарушениям прав человека.

При этом ЧВОК являются неотъемлемой частью военных действий XXI века. Их присутствие в вооруженных конфликтах неизбежно будет расширяться в силу многократно подтвержденной эффективности и практичности подобного аутсорсинга. ЧВОК менее бюрократизированы, чем военные ведомства; они не нуждаются в особом санкционировании своих действий межправительственными организациями в лице, например, ООН; они обладают высокой мобильностью и маневренностью; их руководящий состав комплектуется из профессионалов военного дела; они адаптивны, многофункциональны и рекрутируют персонал на основе пожеланий заказчика и условий среды⁷⁸. Поэтому даже при наличии у мирового сообщества возможности пресечь деятельность ЧВОК это было бы крайне нецелесообразно и контрпродуктивно.

Следовательно, остается только добиваться все большей подотчетности бизнеса военно-охранных услуг и дальнейшего упорядочивания его деятельности. На достижение именно этих целей направлены «швейцарская инициатива» и деятельность профильной рабочей группы ООН. Однако и на национальном уровне также необходимы сдвиги; соответствующих изменений требует, в частности, российское законодательство. Поэтому столь важно привлечение дополнительного внимания к сохраняющимся «серым зонам», угрожающим и самим сотрудникам военно-охранного бизнеса, и их клиентам, и мирному населению в пределах театров военных действий.